

Сергей АНАНЯН

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ ФРАНЦИИ В 20-е ГОДЫ XX ВЕКА

Западноармянская культура, с центром в г. Константинополе, оборвавшаяся в 1915 году, пыталась возродиться в том же месте в 1918—1922 годах. Однако, из-за начавшегося в Турции кемальского террора, ей не суждено было здесь вновь запустить глубокие корни. Последующие двадцатые годы явились периодом ее перерастания в культуру диаспоры, на подобие перерастания восточноармянской культуры в культуру Советской Армении. Она получила свое бурное развитие в двух основных центрах — на Ближнем Востоке и во Франции. В этих местах образовались благоприятные творческие микроклиматы, и живущая здесь интеллигенция предопределяла дальнейший ход литературы и искусства всей диаспоры, хотя были определенные движения и на Балканах, и в США, и в странах Латинской Америки.

С начала двадцатых годов развитие культурной жизни армянской общины Франции проходило под сильным влиянием политических воззрений. Сам этот факт — бесспорно негативен, но его не могли избежать даже в странах со стабильным государственным устройством. Ситуация же с армянской общиной Франции была совсем иной. Находясь на стадии становления и

самоутверждения, она должна была сплотить, сконцентрировать все свои силы и возможности (будь то экономические, политические или интеллектуальные), поскольку любой проделанный ею шаг мог иметь судьбоносное значение: «...Необходимо сделать так, чтобы французское правительство не могло указать ни на одно событие, ни на одно частное деяние, которое могло дать повод сомневаться в законопослушности и благопристойности армянской общины...»¹. Вот почему сильная политизированность, как продукт неустойчивого материального и духовного состояния общины, был так естествен для всех сторон ее жизни, вот почему она принимала непосредственное и осязаемое участие в формировании и развитии общественного сознания зарубежных армян.

Однако влияние политических идеологий на культурную жизнь общины, вследствие все той же уникальности ее положения, оказало двойное негативное влияние, поскольку сопровождалось отчуждением и забвением деятелей и целых явлений в культуре и искусстве. Немаловажную роль в этом играли власти Армении, ведущие политику классового расслоения, которая в культурной области проявлялась в виде отрицания, нигилистического, вульгарного (данное выражение дается как литературный термин) отношения ко всему немарксистскому «культурному наследию» и «литературным ценностям». Благодаря традиционно-склокнической природе взаимоотношений армянских политических партий и вышеназванной позиции властей Советской Армении в политической жизни общины (с точки зрения решения насущных проблем колонии) царил отчаяваю-

¹ Тер-Мовсес. Единственное стремление армянских колоний. Париж, 1935, с. 91.

щий хаос или, говоря иными словами, преобладал дух разобщенности, резкой поляризации различных политических воззрений. Следствием проникновения этого духа в область литературы и искусства было то, что в оценке культурного явления приоритетное место отдавалось не столько действительным ее ценностям, сколько политической ориентации творившего его человека. К примеру, прокоммунистическая газета «Ереван» критиковала хор «Сипан» (он был организован при активном участии партии дашнакцутюн) за то, что он дашнакский и конечно же «плохо пел». Не случайно парижский «Арагац» по этому поводу задается вопросом: «Неужели член дашнакской партии или коммунист поют по-разному песни Комитаса»².

Однако, несмотря и даже вопреки создавшейся ситуации, культурная жизнь армянской колонии Франции находилась на подъеме и из своих «недр» дала немало значительных фигур для армянской и мировой культуры. Не удивительно, что именно они явились «голубями мира», постоянно ратующими за единство, сплоченность, сотрудничество и установление крепких связей с Советской Арменией. Одними из них являлись музыковеды Григор Сюни и Г. Меграбян, которые в конце 1923 года в армяноязычной прессе Америки выступили с совместным призывом, который перепечатался в прессе многих армянских общин: «...Необходимо, чтобы армянские искусствоведы, которые не имеют существенных отношений с армянскими политическими течениями и с религиозными пристрастиями, смогли выступить совместными усилиями, служа и искусству, и... общине, и своему собственному имени

² Арагац, № 9, 1 мая 1926, 10; Даллакян К. Очерки истории зарубежной армянской общественной мысли. Ереван, 1994, с. 346.

и положению. ...Наша цель... послужить примером для других и показать, что посредством мирного сотрудничества можно добиться более существенных результатов»³.

Развитие литературы и искусства во Франции прошло два качественно отличающихся друг от друга этапа. В начальный период иммигрантской жизни в армянской среде Франции (как и во всех других армянских колониях) преобладал дух скептицизма. Армянский интеллигент был оторван от народа, а его произведения не являлись (а если и являлись, то крайне недостаточно) отражением той новой жизни, в которой жил его народ. Плесада поэтов, писателей и т. д. нового поколения, которые вступили на арену в двадцатые годы или чуть раньше — в годы войны, чем, собственно говоря, начинается период становления литературы и искусства армянской диаспоры, находилась в тяжелом душевном состоянии: «Это поколение несло в себе психологию неприкаянного человека, потерявшего родину и оказавшегося на чужбине, психологию человека, не имеющего определенных чувств, недальновидного, ничему не верящего или верящего всему, страдающего и разочаровывающегося... Чувство одиночества и покинутости питалось как от великого горя, так и от неумения (неспособности) трезвым взглядом оценить продиктованную ситуацию, от идейной нечеткости взгляда. По этой же причине жизнеутверждающая сила ее (т. е. литературы и искусства. — Прим. автора) была слабой, не звучалась и не имела широкой аудитории...»⁴.

Действительно, большинство исследователей считало эти годы годами «немоты» литературы и иску-

³ История армянского народа, т. VII, Ереван, 1967, с. 600.

⁴ См.: Зарубежная армянская поэзия. Ереван, 1981, с. 14.

ва⁵. Одни из известных литературоведов того времени Оганес Авагян считал, что в 20-х годах, когда социальные трудности заставляли всем видам общественной мысли мобилизоваться и оказывать непосредственную и незамедлительную помощь народу, невозможно было чтобы создавалась какая-либо литература со значительным художественным значением⁶. В статье «Эхо Парижа» М. Давид-Бек пишет: «...Армянская литература, также имевшая большие потери в годы неописуемого кошмара, находится в предсмертном состоянии...»⁷.

Однако, несмотря на то, что период, о котором идет речь, не был ознаменован более или менее значительными достижениями, он стал чрезвычайно важным этапом для дальнейшего становления и развития литературы и искусства западноармянских колоний. Ведь именно тогда, в процессе теоретических споров и баталий в прессе, публичных выступлениях и т. д., закладывалась основа дальнейшего его развития. Кажущийся период застоя, по нашему мнению, был периодом «оглядки», адаптации, ведь новая культура диаспоры должна была состояться не на пустом месте, а на глубоких традициях западноармянской культуры, а так-

⁵ Однако было много и тех, которые уже тогда видели здесь первые зачатки и стремились поощрять их. Например, А. Чопаниян, в 1926 году, в парижском «Арагац»-е в большой статье под заголовком «Наша литература» пытается доказать, что, наоборот, существует полнокровная армянская литературная жизнь (см. К. Даллакян. Очерки истории..., с. 252). Таких же взглядов придерживался и редактор специализированного бухарестского журнала «Навасард» — О. Сируни (см.: «Навасард», т. I, № 5 . 1924. с. 113).

⁶ См.: Всеобщий ежегодник, 1922, с. 106.

⁷ См.: Эхо Парижа, 1922, с. 4.

же благодаря новым творениям мастеров «старой» закалки. К примеру, много ярких фигур западноармянского театрального искусства, сосредоточившись в Париже (Трдат Ншанян, Арташес Гмбетян, Элиз Гован, Арман Котикян, Ваграм Сватчян и др.), перенесли сюда свой артистический стиль, восприятие сцены, репертуар. По этой причине здешний театр, на заре своего развития, в себя вобрал разные сценические направления, традиции и стили, восточноармянский и западноармянский языки и т. д.

Как бы то ни было, иллюзорность, неопределенность ситуации в армянской общественной жизни были характерны только для первых послевоенных лет и явились продуктом долозанского периода, полного «сладкими» политическими обещаниями международной дипломатии.

Итоги чисто политического события — Лозаннской конференции — оказали решающее воздействие на армянскую общественно-политическую мысль того периода и ознаменовали начало второго этапа в ее развитии. Очевидное было «горьким», но и отрезвляющим. Постепенно рассеивающийся идеологический «туман» позволил трезво оценить создавшуюся ситуацию. Стало ясно, что для подавляющего большинства беженцев-армян нет больше дороги назад, нет дороги на родину. Тут не было сомнений. Не было сомнений и в том, что после геноцида для получившей новое развитие армянской общины Франции, наряду с образовательными структурами, был злободневен и вопрос о поднятии на должный уровень своей литературной жизни. Но вот

⁸ К числу мастеров «старой» закалки, находящихся во Франции, можно отнести Т. Камсаракана, А. Чопаняна, К. Заряна, Р. Ворберяна и т. д.

какими должны быть литература и искусство армян на чужбине — сугубо национальными, пропагандирующими устои, ценности, мировосприятие отцов и дедов, с элементами нетерпимости ко всякому новому, национальными по сути, но жизнеутверждающими, с чертами той действительности, в которой они жили, или рыночными, соответствующими тем «веяниям», которые доминировали в окружающем обществе?

Было совершенно ясно, что армяне, лишенные родины, не могли продолжать существование только и только традициями своей родины. Не годилось и неустанное оплакивание «горькой народной доли» или самобичевание по поводу обрушившихся на народ несчастий. В зарубежной армянской прессе часто слышались критические выступления по поводу ряда театральных представлений, когда «смысл ряда представлений был лишь в том, чтобы сконцентрировать на одном месте все трагическое и горькое на Земном шаре и вызвать обильные слезы у группы зрителей»⁹. По мнению журнала, не это является целью театра и не стоит «так утомлять воображение» ради того, чтобы вызвать слезы на глазах у людей. Недопустимо, когда «попы, забившись в угол, питаются старыми воспоминаниями или довольствуются залатывнием новых слов на изношенные, изжеванные песни»¹⁰.

В двадцатые годы XX века во Франции были чрезвычайно популярны взгляды Ромена Роллана, касающиеся того, каким должен быть народный театр, его место в жизни общества. Они сходились в трех основ-

⁹ См.: Нор шаржум, 1923, см. 326 (см.: Даллакян К. Очерки истории..., с. 252—270).

¹⁰ См.: Навасард (Бухарест), т. 1, 1924, с. 113 (см.: Даллакян К. Очерки истории..., с. 252—270).

ных постулатах: 1 — театр должен быть «успокаивающим». Т. е. он должен дарить физическое и душевное спокойствие уставшему труженику, не быть политизированным, чтобы в лишний раз не взбудораживать умы простых людей теми проблемами, которые занимают властей. Должен не нравоучительствовать, а создавать возможность, чтобы зритель думал и действовал самостоятельно; 2 — театр должен быть источником физической и умственной мощи и смелости; 3 — и светом познания. Нетрудно, однако, заметить, что если для народа Франции-победительницы «умиротворяющее» воздействие театра было, может быть, необходимо, то для армянского труженика Франции начала двадцатых годов XX века, который с великими трудностями, ценой громадных усилий добивался права трудиться, оно было по крайней мере неприемлемо.

Ряд армянских поэтов, также под влиянием французской действительности, несли в себе отпечаток противоположных идей и мировоззрений. Например, в произведениях живущих в Париже Вазгена Шушаняна, Никогоса Сарафяна, Бюзанда Топаляна, Гегамы Атмаджяна (А. Сема), Мисака Манушяна и т. д. центральное место занимает рабочий, его политическая активность и участие в социальной борьбе, где ясно слышатся нотки революционности.

Однако было распространено мнение, «что наше горе вполне достаточно, чтобы к нему приплюсовать еще и чужое» и противилось «рыночным» отношениям в литературе и искусстве: «Мы против применения «законов и запросов рынка» по отношению к нашим письмам и книгам — так как они являются основным стимулом, если не условием национального самосохранения». Следовательно, литература и искусство

¹¹ См.: Арагац, № 5, 1 марта 1926, с. 1.

должны были помочь армянским беженцам в «эпоху» отчаяния, разочарованности и паники, чтобы те мало-помалу вышли из создавшейся ситуации и осознали свое новое качество и смысл своего бытия — факт рассеянности по всему миру, найти и указать пути, обеспечивающие сохранение его национального лица. Многие понимали, что интеллигенция должна быстро определить пути выхода из кризисного состояния, вырваться вперед и увлечь за собой массы, что, возрождая искусство, они практически спасают свой народ: «... Нужно спасти армянскую литературу, вселяя туда новый дух, новое направление, новую живую и кипучую кровь..., ясно осознавая, что без литературы не может быть ни нации, ни национальных признаков...»¹². Эти взгляды и стали основополагающими для всего дальнейшего развития армянской литературы и искусства армянской колонии и усиленно пропагандировались в издававшемся в Париже, с 1928 года, литературном, художественно-научном ежемесячнике «Цолк» («Луч»), литературном, художественном и научном журнале «Арагац», в органе АРП дашнакцутюн — национальной, политической и литературной газете «Арач» и т. д. В 1923 году был основан «Союз армянских писателей Франции», который с самого же начала своего существования вообрал в себя всю элиту интеллигенции армянской общины Франции. В него входили такие замечательные писатели Франции, как Аршак Чопанян (первый председатель новообразованного союза), Левон Чормисян, Зарей Ворбуни, Вазген Шушанян, Шаан Шахнур, Гегам Ахмаджян (Сема), Бюзанд Топалян и др. З. Ворбуни, П. Зароян являлись редакторами литера-

¹² См.: Нор шаржум, 1923, с. 326 (см.: Даллакян К. Очерки истории..., с. 252).

турного ежемесячника «Нор аватк» («Новая вера»; 1924 г.).

В 1926 было организовано общество армянских искусствоведов «Ани», членами которого являлись художники Ш. Адамян, А. Алахазян, В. Махохян, Эдгар Шаин, скульптор А. Гюрджян.

Достойное место занимают в армянской и мировой культуре профессор Сватчян, проф. Ш. Тетейан, известный географ, картограф и видный общественный деятель (основатель армянской торговой палаты) З. Ханзатян, историк Н. Адонц, скульптор Д. Камсаракан, художники Л. Тутунджян, Шарт, Овсеп Пушман, Хачатрян, Шишманиян, Шабанян. Большой известностью в Париже пользовались режиссеры-искусствоведы Питоев и Балиев. Во Франции долгие годы проживали и творили Ав. Исаакян, Ал. Ширванзаде, Е. Кочар, С. Хачатурьян, М. Сарьян и др.

С конца двадцатых годов начинаются работы по созданию сети групп народной самодеятельности. Практически во всех значительных армянских общинах Франции действовали танцевальные коллективы. Свыше 20 девушек и молодых людей участвовали в хоре «Гохтан» города Лиона, организованном Петросом Петросяном¹³. На частых выступлениях перед армянской общественностью хор исполнял произведения Комитаса, Григора Сюни, Тиграняна. В городе Десин под руководством известного музыканта-скрипача А. Мелконяна в начале 1930 года была создана хоровая капелла «Комитас» (Groupe Choral Mixte „Comitas“), из 25 мужчин и женщин Десина и Лиона. Хор исполнял произведения армянских классиков. Армянская колония этого небольшого городка имела также свой

¹³ См.: Ежегодник армянских матерей. Лион, 1933, с. 104.

оркестр под названием «Арцнв» («Орел»), под управлением известного музыковеда из Константинополя — Жирайра Хтнкеана¹⁴.

В распространении и популяризации армянской песни большая роль принадлежит ученикам Комитаса. В то время, когда великий музыкант страдал в одной из парижских психиатрических клиник, его учениками создавалась комитасовская комиссия, одной из целей которой являлись сбор и опубликование неизвестных произведений знаменитого учителя. В этом деле решающую роль играли В. Саргсян, Туматчян и Маргарит Бабалян. Последняя развернула чрезвычайно плодотворную музыкальную деятельность, часто выступала в прессе с армянскими и французскими статьями. В начале 30-х годов она основала музыкальные курсы, где брали уроки армянские дети. В первые двадцатые годы XX века из-за несформировавшихся еще мощных центристемительных сил внутри колоний, имеющих финансовые проблемы и т. д. особенностью армянского театрального искусства диаспоры стало отсутствие постоянных трупп со своими устойчивыми репертуарами. Поэтому перед армянскими аудиториями выступали коллективы, организуемые путешествующими малыми группами из страны в страну специалистами, которые во время гастролей пополняли свои коллективы за счет местных сил, в основном любителей. Во Франции, например, подобной благодатной «почвой» для «путешествующих спесов» стала «Драматическая труппа парижских армян», которая в 1919 году возглавлялась выходцем из Западной Армении — Мкртычем Джананом (в труппу входили: Ваграм Сватчян, Левон Арут,

¹⁴ См.: там же, с. 104.

Арман Котикян, известная актриса-танцовщица А. Оганян и др.). В основе постановок лежали произведения таких армянских классиков, как Ал. Ширванзаде, Левон Шант. В следующем году «Драматическая труппа парижских армян» руководилась прибывшим из Константинополя в Париж Т. Ншаняном. В конце 1923 года, в Париж прибывают известные актеры А. Шаххатун и Элиз Пинеметчян, под руководством которых делаются новые постановки, пользующиеся большим успехом в общине. «Драматическая труппа парижских армян» с большим успехом гастролировала по всем городам и населенным пунктам страны со значительным армянским населением, а также перед армянской аудиторией в Болгарии, Румынии, Греции, Бельгии, Швейцарии и т. д.

Событием в культурной жизни армянской колонии Франции стала организованная Анной Будагян труппа «Майрени бем» («Родная сцена»). В отличие от прошлых театральных сезонов, в течение целого года, она ставила исключительно самостоятельные пьесы, среди которых «Намус» («Честь»), «Патви амар» («Из-за чести») Ал. Ширванзаде и «Старые боги» Левона Шапта. К сожалению, после одного театрального сезона труппа распалась, после чего, до конца 20-х гг., не появился ни один, более или менее устойчивый коллектив актеров: начался долгий период индивидуальных представлений прибывших сюда на короткий срок из разных стран мира армянских трупп, актеров и актрис.

В культурной жизни общины велика была роль армянских общественно-благотворительных организаций Франции. Под опекой Армянского благотворительного общего союза в городе Лионе был организован хор «Сипан», под управлением Арутюна Кулесереана. В

хоре участвовали свыше сорока девушек и парней¹⁵. Доброй традицией стало часто организуемое АБОС в рамках колонии пикники на лоне природы с участием самодетельных групп. Они впечатляли своей организованностью, жизнерадостностью, размахом и укрепляли, объединяли диаспору. Группа армянских женщин и девушек города Лиона основала организацию «День армянских матерей» (Union des Orphelins Armeniens **Ma-jeurs**), с намерением превратить 3-е сентября каждого года днем чествования армянских матерей. По замыслу организаторов он должен был способствовать поднятию национального духа, сохранению традиций и укреплению семейных очагов¹⁶.

Большой вклад внесли различные армянские земляческие союзы и общества в культурную жизнь колонии. Благодаря этим структурам многие армяне, нашедшие кров во Франции, не обособились, не замкнулись в кругу своих проблем, а приобщились к мероприятиям, организуемым в масштабе всей общины.

Нельзя приуменьшить роль в развитии, пропаганде и признании армянского умения и таланта людей, не имеющих непосредственного отношения к искусству. Среди прочих нужно отметить представителей известной торговой семьи Телфеянов, которые еще до первой мировой войны занимали первенствующее место в торговле восточными коврами в Стамбуле и Америке. Благодаря их широкой (объективной) рекламной работе сбываемые ими на парижском аукционе в Hotel Drouot ковры армянских мастеров пользовались большим ус-

¹⁵ См.: Драгоценная книга Армянского благотворительного общего союза — Серебряный юбилей — 1906—1931, т. 1, Париж, 1935, с. 192.

¹⁶ См.: Ежегодник армянских матерей, с. 92.

пехом¹⁷: Было множество магазинов, специализирующихся на продаже продукции, сшитой руками армян¹⁸.

Армяне имели свои постоянные места для встреч, совместного проведения вечеров, роль которых в сплочении созидательных сил колонии была велика. В таких «традиционных» для армян заведениях (в большинстве своем хозяевами этих заведений являлись их соотечественники) встречалась армянская интеллигенция, организовывались собрания армянских общественных организаций, проводились семейные вечера, свадьбы, помолвки, созывались званые обеды и т. д. Из подобных заведений в начале двадцатых годов особой известностью пользовался ресторан «Флориа», основанный Гукасом Папазяном в 1924 г., в парижском квартале Сен-Мишель. Из подобных заведений можно отметить также ресторан «Ани», расположенный в 8-м квартале Парижа, ресторан «Алина» Г. Габриеляна в 5-м квартале, ресторан «О'Лиля» В. Папазяна в центре Парижа на ул. Сен-Лазар. В Марселе местом встреч, проведения свадеб и собраний являлся ресторан Кантерьяна, кафе «Дарон» и т. д. Подобные заведения были открыты армянами также в Мартите, Пюи-Бивере, Пон-де-Шерюи («Армянское кафе» Арама Курмояна), Вьенне (кафе-столовая Рубена Эмияна «Аргеос»), Гренобле (кафе «Арарат» С. Погосяна и Шампляна) и в других городах¹⁹.

¹⁷ См.: Французско-армянский ежегодник, 1926, с. 206—222.

¹⁸ См.: Нор еркир, 14 января 1934, с. 4; 9 мая 1935, с. 3; Французско-армянский ежегодник, 1927, с. 191—236, 345; 1929, с. 310, 345.

¹⁹ См.: Ереван, 24 декабря 1925, с. 4; 22 октября 1925, с. 4; Ежегодник Гавроша, 1929, с. 243; Французско-армянский ежегодник, 1927, с. 144, 248, 286, 366.

Социально активные представители колонии имели возможность приобщаться, получать волнующую их информацию об Армении также посредством часто устраиваемых со стороны АБОС, Союза армянских женщин Парижа и др. публичных собраний, встреч с членами Национальной делегации, пикников, балов²⁰ и т. д.

Создавались научно-литературные общества, знакомившие французов с древней историей и культурой армянского народа, с Армянским вопросом и с тем, как и почему армянские беженцы оказались во Франции. В этом аспекте большую работу развернуло созданное в начале двадцатых годов в Париже Арменоведческое общество и его журнал «Ревю дез этюд армениен» («Обозрение армянских исследований»)²¹. Все это способствовало укреплению дружественных отношений между армянами и французами, многие из которых воспринимали горести армян как свои собственные.

²⁰ См.: Драгоценная книга..., т. 1, с. 192.

²¹ См.: Французско-армянский ежегодник, 1926, с. 100.